

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.7

УДК 316.422, ББК 60.550

© Дулина Н.В., Каргаполова Е.В., Стризов А.Л.

Молодежь в процессах модернизации: оценка состояния (на примере регионов Южного федерального округа)*

**Надежда Васильевна
ДУЛИНА**

Волгоградский государственный технический университет
Волгоград, Российская Федерация, 400005, пр. Ленина, д. 28
E-mail: nv-dulina@yandex.ru

**Екатерина Владимировна
КАРГАПОЛОВА**

Астраханский государственный архитектурно-строительный университет
Астрахань, Российская Федерация, 414056, ул. Татищева, д. 18
E-mail: k474671@list.ru

**Александр Леонидович
СТРИЗОВ**

Волгоградский государственный технический университет
Волгоград, Российская Федерация, 400062, пр. Университетский, д. 100
E-mail: strizoe@yandex.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ (проект 16-03-00463 «Динамика социально-экономического развития региона как гетерархической системы»).

Для цитирования: Дулина, Н.В. Молодежь в процессах модернизации: оценка состояния (на примере регионов Южного федерального округа) / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова, А.Л. Стризов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 2. – С. 130-149. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.7

For citation: Dulina N.V., Kargapolova E.V., Strizoe A.L. Young people in modernization processes: assessment of the state of affairs (case study of Southern Federal District regions). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2017, vol. 10, no. 2, pp. 130-149. DOI: 10.15838/esc/2017.2.50.7

Аннотация. В статье на основе анализа результатов конкретного социологического исследования, выполненного методом анкетирования, изучаются проблемы включенности современной российской молодежи в процессы модернизации. Под модернизацией в самом широком теоретическом плане понимается комплексный, управляемый процесс обновления общественной системы, ее приближение к качественно новому состоянию на основе глубинных, цивилизационных изменений с целью улучшения условий жизнедеятельности. При этом специфические, традиционно сложившиеся особенности системы ценностей конкретных регионов исследуются как важнейший ресурс модернизационных проектов. Показано, что существует системное отставание темпов и качества модернизационных процессов в регионах Южного федерального округа от общероссийских, что зафиксировано в статистических показателях и ответах представителей молодого поколения макрорегиона. Причина сложившейся ситуации: масштабы отчуждения от результатов трудовой деятельности, которые в большей степени проявлены в ЮФО, чем по России в целом, и во многом вызваны искусственным (институциональным) перекачиванием прибавочной стоимости, произведенной на его территории, в другие регионы страны. Большая часть добавленной стоимости, полученной от созданных на территории округа продуктов и услуг, не идет на развитие его социальной инфраструктуры (в частности, системы образования) и благосостояния населения. При определенных условиях проект под названием «Модернизация» мог бы стать программным образом будущего современной России, что зафиксировано и в ответах современного студенчества. Но в реальности модернизационные проекты по жизненно важным для населения показателям приобретают во многих регионах характер квазимодернизации и даже демодернизации. Это отражается в высоком миграционном запросе студентов, который по ЮФО выше, чем в целом по общероссийскому массиву опрошенных. Таким образом, существуют два феномена, социальная ценность которых во многом заключается в их направленности на перспективу, в будущее, — молодежь и модернизация. Но векторы этой направленности у современной российской молодежи и модернизационных проектов страны разные, что требует корректировки молодежной политики.

Ключевые слова: модернизация, молодежь, студенты, социальные процессы, регион, федеральный округ, Южный федеральный округ, ценности.

Современная Россия находится в периоде социальных трансформаций. При этом остро стоит вопрос идентификации происходящих в стране изменений. Период бурного реформирования соотносится с прогрессом или деградацией? Каковы цель и предполагаемые результаты реформирования на нынешнем этапе? Ведь канули в лету проекты типа «Рыночные отношения за 500 дней», практически исчез из политической риторики термин «капитализм» [10, с. 19], меньше стали употребляться термины «гражданское общество» и «социальное государство», а демократия, судя

по той же политической риторике, у нас уже есть (в основном).

Все эти вопросы очень остро стоят перед всем обществом, но особенно — перед молодежью как социально-демографической группой, выделяемой «на основе возрастных характеристик, особенностей социального положения, обусловленных теми или другими социально-психологическими свойствами, которые определяются общественным строем, культурой, закономерностями социализации, воспитанием данного общества, современные возрастные границы от 14–16 до 25–30 лет,

доля в составе населения 20%» [2, с. 147]. Молодежь может также определяться как субъект социальных отношений, который, по Е.М. Бабосову, находится в процессе формирования и развития общественной, психофизиологической, общекультурной и гражданской зрелости, адаптированной к социальным статусам и ролям, которые свойственны и взрослым людям¹, а по П. Бурдые «ничего не имеет» [3]. Действительно, обладая в силу своего возраста физической силой, бурной энергией, но не зрелостью и мудростью, свойственной более старшим поколениям, молодежь ориентирована в будущее, в этом смысле ничего не имеет и должна еще только создавать свои социальные статусы, связанные с обретением семьи, приобретением профессии и устойчивого положения в обществе. С.И. Иконникова и В.Т. Лисовский исследуют молодежь как поколение, отличием которого являются не только возраст, но и совокупность целей, стремлений, убеждений, интересов и ценностей, общие переживания и отношение к жизни [14]. Сможет ли проект под названием «модернизация» стать частью жизненных устремлений современной российской молодежи? Тем более что современную российскую молодежь именуют не только как поколение «путинцев» [25, с. 103], но и как поколение прагматиков [6; 28], разумных эгоистов [33], и цели модернизации должны, по меньшей мере, совпадать с представлениями молодых об их собственных целях. Таким образом, необходимо исследовать социальное самочувствие молодежи, её отношение к социальной реальности для формирования комплекса мероприятий по модернизации российского общества.

¹ Бабосов Е.М. Социология. Энциклопедический словарь. — М.: ИСПИ РАН, 2009. — С. 265.

Чтобы решить данную задачу, необходимо для начала разобраться с сущностью самого понятия «модернизация». Под модернизацией подразумевается прежде всего переход от традиционного аграрного общества к светскому, городскому и индустриальному. Таким образом, в подобном понимании модернизация связывается с конкретным этапом исторического развития социальной системы. Но существует также точка зрения, по которой модернизация — непрерывный и бесконечный процесс, который сопровождает всё развитие человеческой истории [20, с. 468] и трактуется как обновление общественной системы, ее приближение к качественно новому состоянию на основе глубинных, цивилизационных изменений [21, с. 29]. При такой трактовке понятие «модернизация» сближается с понятиями «инновация», «реформирование» [37, с. 190] и противопоставляется архаизации.

Термин «модернизация» происходит от французского слова «modernizer, moderne», что означает «делать современным»². Таким образом, под модернизацией понимается не весь спектр изменений, усовершенствований, а только те из них, которые отвечают «современным требованиям и вкусам современности...»³ Поэтому даже в классическом понимании сам термин «модернизация» не сводится к понятию «индустриализация» и включает более широкий диапазон социальных процессов, которые можно рассматривать одновременно как механизм, условие и некую цель модернизации, детерминирующие выгоды и издержки этого процесса. Так, например, модернизация осмысливается Э. Дюркгеймом

² Краткий словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и проф. Ф.Н. Петрова. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. — С. 254.

³ Там же.

как процесс социальной дифференциации, М. Вебером — рационализации, К. Марксом — товаризации⁴, теоретиками эволюционизма (структурного функционализма) — социальной дифференциации, включая политический плюрализм «при одновременном обеспечении интеграции, координации, ”органической” связи дифференцированных элементов» [39, с. 527].

Существует также точка зрения, согласно которой «модернизация... предполагает превращение знаний в решающий фактор совершенствования деятельности экономических субъектов и властных структур, социальных формирований и каждой личности» [37, с. 360].

По мнению китайского исследователя Хэ Чуаньци, современная модернизация — целостный социокультурный процесс, основная цель которого — «безопасность государства и общества и предложение сценариев дальнейшего развития для повышения условий жизнедеятельности» [30, с. 7].

Ряд авторов отмечают значимость микросоциального уровня модернизационных процессов в обществе, который «затрагивает «индивидуальный выбор и межличностные отношения» [35, с. 61]. Социальные психологи ищут источники обусловленности модернизационных процессов в росте личностного начала, то есть в изменении «личных, индивидуальных установок, мотиваций, ориентаций отдельных людей» [39, с. 528].

Представление о росте личностного начала связано в теории модернизации с важным (а зачастую и политически ангажированным) вопросом о том, на основе каких ценностей, морально-нравственных норм происходит модернизационный процесс.

⁴ Социология : учебный словарь / под общ. ред. А.О. Бороноева, И.Ф. Кефели. — СПб.: БГУ, 2009. — С. 72.

Существует точка зрения, согласно которой в ходе модернизации происходит замена традиционных ценностей, враждебных социальному изменению, экономическому росту. И далее в развитие данного постулата теории структурного функционализма, например, опираются на следующие принципы: «а) противопоставление современного общества обществу традиционному, которое рассматривается как препятствие экономическому развитию; б) развитие через эволюционные стадии, весьма похожие для всех обществ; в) потребность стран «третьего мира» в силах, способствующих отходу от традиции; г) как предпочитаемый, так и вероятный результат — общества западного типа, вестернизированные общества»⁵. Появляются термины «запаздывающая», «догоняющая» модернизация. Соответственно в подобном понимании модернизация приобретает достаточно жесткую и деспотичную форму таких глобалистских проектов, как вестернизация и американизация.

Критика подобного понимания модернизации привела к появлению неомодернистских концепций многокультурной модернизации, теории которой отстаивают возможность *перехода от традиционного общества к современному индустриальному с учетом цивилизационной специфики* [16; 19; 26; 31; 41]. Как отмечает И.В. Кутырева, «не существует законов модернизации, по которым все общества развиваются аналогично... Если говорить о социальной модернизации, то следует отметить, что ее основания заключены не только в ценностных ориентациях, но и на более глубоких уровнях, то есть в структурах сознания... В качестве базовых духовных оснований социальной модернизации выступает менталитет» [20, с. 468-469].

⁵ Там же.

Ряд исследователей отмечают, что при отказе от традиционных ценностей одновременно с падением нравственно-культурных характеристик населения происходит кризис социального института семьи, репродуктивное угасание и старение нации [см., напр., 42, с. 462]. Как отмечалось выше, действительно, модернизационные процессы сопровождаются ростом индивидуального развития человека и, как следствие, временным спадом рождаемости, что и наблюдается в современный период. Вопрос заключается в том, насколько глобален этот процесс и при всех ли формах модернизации проявляется. Так, В.Э. Багдасарян отмечает, что при глобализационном варианте развития, идущем вразрез с цивилизационной идентичностью национальных сообществ, снижение уровня рождаемости наблюдается в тех же странах, в которых модернизационный процесс осуществлялся при опоре на традиционные ценности, кризиса репродуктивности не отмечается [1, с. 11-18].

Подобные размышления приводят к переосмыслению соотношения дихотомий «современное – традиционное», «модернизированный – архаичный», «модернизация – архаизация» от их простого противопоставления к более сложному анализу. Современные общественные системы успешно функционируют на основе, в том числе, и существующих в них традиционных элементов [40, с. 170-185], модернизация и традиция выступают в диалектическом взаимодействии, усиливая друг друга, а традиции – и в качестве фактора стабилизации модернизационных процессов.

Существует также точка зрения, что догоняющий вариант модернизации сопровождается архаизацией и кризисом [13, с. 41-42], а процессы модернизации не являются необратимыми и могут

сопровождаться периодами демодернизации и архаизации (неоархаики) [38, с. 3].

Выдвигая тезисы о цивилизационной специфике и отсутствии единых законов и этапов развития модернизационных процессов, исследователи вольно или невольно переходят от рассмотрения влияния фактора времени на модернизационные процессы к фактору пространства. При этом подчеркивается, что региональная модернизация не является аналогом национальной в миниатюре, так же как и модернизация группы стран не является аналогом модернизации отдельной страны в миниатюре [30, с. 105]. По мнению Н.В. Зубаревич, «модернизация быстрее идет там, где лучше условия для диффузии инноваций – выше концентрация населения и его качество, более развита инфраструктура и меньше экономическое расстояние, ниже институциональные барьеры. Необходимость снижения всех трех барьеров пространственного развития очевидна, но они долгосрочны и устойчивы по своему характеру» [12, с. 99].

Вопрос о системе ценностей, соотношении традиции и инноваций встает и в том случае, когда исследователи анализируют вопрос о темпе модернизационных преобразований. Так, например, А. Бек и Э. Гидденс отмечают высокий темп изменений, который приводит к росту рисковенности современного общества [2; 5]. П. Штомпка пишет о травме социальных изменений [39, с. 472-492].

Представления о болезненности, травматичности и рисковенности модернизации актуализируют проблему выгод и издержек, то есть ЦЕНЫ любых социальных процессов, в том числе и модернизационных. И логичным в этом контексте будет вопрос о том, управляемым или спонтанным процессом является модернизация. Так, например, П. Штомпка считает, что

«модернизация не является проявлением, постепенным, спонтанным осуществлением внутренних общественных тенденций, а скорее процессом, задуманным, направленным и стимулированным извне... Модернизацию можно определить как приближение общества через осознанное осуществление определенных намерений, целей и планов к признанной модели современности» [39, с. 527-528]. Идеи о планомерности и управляемости модернизации разрабатывает и Хэ Чуаньци [30].

Достаточно противоречивым остается понимание модернизации сквозь призму осмысления процессов в российском обществе и их последствий для современного этапа развития России. Особенно это касается проблем целей, конкретных планов и стратегий, управления и акторов модернизации в конкретный исторический период и конкретной стране – России.

Так, отечественными учеными был критически переосмыслен исторический опыт России в терминологии «ускоренной» или форсированной модернизации как «формы достижения, связанной с актуализацией личных и групповых ресурсов, переопределением иерархии социальных ценностей и предпочтений, наследственностью традиционных форм идентичности» [29, с. 8]. Опыт ускоренной модернизации в сознании россиян якобы ассоциируется «с материальными лишениями и нормированием социальных благ по должностному статусу» [29, с. 22] и следствием этого опыта является групповой эгоизм, который «блокирует усилия по социальной консолидации общества, созданию эффективного государства и продвижению по пути социальной модернизации» [29, с. 3]. Получается, что в результате форсированной модернизации, управляемой (как это и положено), но навязанной россиянину государством,

этот самый россиянин оказывается в проигрыше, он – уставший, вымотанный социальным строительством, он – жертва. Но это ошибка предыдущего периода, а сейчас россиянин нуждается в реализации собственных меркантильных (потребительских) интересов, в заботе, отдыхе, уюте, «слониках на комод». Групповой эгоизм оправдан, и потреблением нужно «наесться», тем самым потреблением, которое без соответствующей системы ценностей превращается в мещанство, описанное еще в XIX в. А.И. Герценом: «С мещанством стираются личности, но стертые люди сытее; платья дюжинные, не заказные, не по талии, но число носящих их больше. С мещанством стирается красота породы, но растет ее благосостояние» [4, с. 36]. Под влиянием потребительства как ценности в современной России выросло целое поколение, которое вряд ли будет в авангарде модернизации.

В целом развитие теоретических представлений о модернизации привело к ее пониманию как противоречивого и конфликтного процесса [20, с. 468]. Поэтому только часть исследователей считают ее частью процесса социального развития и в целом оценивают ее в позитивном ключе [37, с. 190], а часть – скорее негативно [42, с. 462].

Какую же позицию займет молодежь в современной России? А в масштабах конкретного региона или макрорегиона? В контексте данной статьи мы будем исследовать студенческую молодежь Южного федерального округа. Необходимо отметить особую роль студенчества в когорте молодого поколения. С одной стороны, главной задачей студенчества является получение образования, что несколько дистанцирует ее от других задач, таких как создание семьи, например. Но, с другой стороны, именно дистанцированность

студентства детерминирует его статусную позицию деятельного субъекта социальных отношений, ориентированного, как и модернизационный проект, на будущее. Участие в этом проекте, на наш взгляд, позволит сформировать молодежи и образ, и конкретную картину будущего. А получение качественного образования повышает возможности бывших студентов в отношении успешного участия в модернизационных процессах.

Для того чтобы выявить специфику задач, стоящих перед молодежью ЮФО, необходимо отметить основные итоги эволюции данного федерального округа Российской Федерации за период 2000–2012 гг. Эти итоги рассчитаны на основе реализации программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов», разработанной Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (руководители: Н.И. Лапин, Л.А. Беляева), с использованием методики Центра исследований модернизации АН Китая. Данные по регионам рассчитываются с помощью информационной системы «Модернизация» (ИСЭРТ РАН, г. Вологда) [более подробно см., напр., 7; 8; 17; 18; 23; 24; 34; 36].

Все регионы ЮФО находятся в стадии первичной модернизации и не вошли в стадию вторичной модернизации. К 2012 г. округ занимает 4-е место среди федеральных округов по сбалансированности модернизационных процессов, 6-е место — по итоговому показателю первичной модернизации, последнее место — по итоговому показателю вторичной и интегрированной модернизации; сохраняется отставание всех индикаторов первичной и вторичной модернизации от среднероссийских. Показатели модернизации округа несколько уступают среднероссийским по индексам трансляции знаний (91,8%

против 93,6%), качества экономики (42,8% против 53,5%), заметно уступают по индексу инновации в знаниях (25,2% против 55,7%), интегрированному индексу сбалансированности модернизации (значение 0,397 против 0,969). Хотя значение последнего показателя повысилось с уровня «ниже среднего» до «среднего». Разница в показателях интегрированного индекса модернизации по округу и стране составляет около 10% (59,1 и 67% соответственно).

Для пяти из шести субъектов ЮФО характерна восходящая мобильность модернизационных состояний. Ростовская область с 2008 г. вошла в фазу первичной модернизации «зрелость» и перешла на более высокий уровень — от типа 2 к типу 3. Краснодарский край с 2005 г. также повышает свое качество процесса первичной модернизации — регион преодолел фазу «традиционный предварительный» и перешел к фазе «ниже срединного», в 2012 г. — к фазе «срединный». Три субъекта — Астраханская и Волгоградская области, Республика Адыгея в 2011 г. вышли из состояния заторможенного роста первичной модернизации: Астраханская и Волгоградская области вошли в стадию «срединный», а Республика Адыгея перешла из стадии «традиционный, предварительный» в стадию «ниже срединного». Республика Калмыкия находится в фазе устойчивой стагнации первичной модернизации — в низшей фазе «традиционный, предварительный». Таким образом, существует системное отставание темпов и качества модернизационных процессов в ЮФО от общероссийских [более подробно см., напр., 7; 8; 17].

Что касается **технико-технологической компоненты модернизации**, то ее сущность состоит в переходе к новым технологическим укладам и связана с состоянием образования и науки в регионе. В этом кон-

тексте представляется важной оценка молодежи макрорегиона состояния системы образования. Некоторые ответы на эти вопросы стало возможно получить на основе анализа результатов всероссийского инициативного социологического исследования⁶.

Образовательная среда является стратегической в обществе знаний, основным капиталом которого становятся интеллект и личностные ресурсы работника. Среди предложенных молодым людям вариантов ответов на вопрос: «А если возьмем людей богатых... На Ваш взгляд, как часто они добились богатства благодаря следующим причинам?» был и такой — «хорошее образование». Ответы студентов обобщены в итоговый индекс. Значение индекса по этому варианту по всему массиву составило 2,81 балла, по Астрахани — 2,85, по Волгограду — 2,82 балла (при максимально возможном значении 4 балла). Отвечая на вопрос о причинах бедности в российском обществе, молодые люди среди прочих причин указали и на «низкое ка-

чество образования, которое они получают», значение индекса которого в целом по массиву всех опрошенных по России составило 1,99 балла (при максимально возможном значении 4 балла). Вроде бы и не очень много. Но значение этого индекса среди студенческой молодежи двух городов России несколько выше, чем по массиву в целом, и составляет 2,04 балла, причем по Астрахани выше, чем по Волгограду (2,08 против 2,01 балла). Разница с общероссийскими показателями небольшая, но мы помним, что округ отстает по показателям модернизации и больше всего по индексу инновации в знаниях.

При ответе на вопрос о причинах, которые вызвали несправедливое отношение лично к ним, 14,8% опрошенных студентов в целом по России ответили: «Уровень Вашего образования», вместе с тем по городам ЮФО эта цифра несколько больше и составляет 17,8% (и больше опять же за счет ответов астраханцев: 21,8% против, соответственно, 13,8%). Таким образом, мы видим, что студенты осознают значимость образо-

⁶ *Технические параметры исследования:* конкретное социологическое исследование «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» было инициировано и реализовано Российским обществом социологов (РОС). Объект исследования — студенты высших учебных заведений России. Метод сбора информации — анкетирование. Всего опрошено 3964 респондента 71 вуза в 26 городах России. Полевой этап прошел в апреле–мае 2016 г. Полностью технические параметры выполненного исследования представлены на официальном сайте РОС. Южный федеральный округ представлен Волгоградом и Астраханью. В Волгограде опрошено 600 чел. (49,5% девушки и 50,5% юноши), в Астрахани — 300 чел. (57,2 и 42,8%). В Астрахани и Волгограде исследование проводилось под руководством и при непосредственном участии авторов этой статьи. Исследование носило зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставилась, полученные результаты могут распространяться только на выборочную совокупность либо использоваться как справочные. Однако, как представляется, большой объем выборочной совокупности позволяет сделать вполне обоснованные выводы. Обработка полученных данных проводилась с помощью программного комплекса Vortex (разработчик — Д.В. Шкурин, к.с.н., доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина). Анализ данных включал изучение линейных распределений, шкалирование. Предлагаемые для оценки шкалы были разными: только с положительными числами, с положительными и отрицательными числами. Если респондент положительно оценивает объект в рамках заданной шкалы, его оценка будет приближаться к позитивному полюсу, т. е. иметь числовое выражение в зависимости от интенсивности позитивной оценки. В случае отрицательного оценивания объекта оценка будет смещаться к минусу, принимая числовое выражение в зависимости от интенсивности отрицания. В каждом конкретном случае максимальные и минимальные значения шкалы оговариваются отдельно. Такой вариант шкалы пригоден только в том случае, если полярные признаки (антонимы) имеют четко выраженное положительное или отрицательное значение, как, например, пара признаков «совершенно справедливое» — «совершенно несправедливое». В вопросах, где использование в начертании шкалы знаков «плюс» и «минус» как бы подсказывает респонденту нормативный или желательный ответ, использовались шкалы с положительными числами (как нейтральный по своему выражению) с последующим присвоением различающихся чисел уже на стадии обработки информации.

вагия в современную эпоху и недостатки региональной системы образования, снижающие человеческий потенциал молодежи региона. Это особенно ярко проявляется в среднем по численности населения городе Астрахани по сравнению с «миллионником» Волгоградом. Ведь, как показывают исследования, городские системы играют важную роль в экономическом росте и производственном развитии, а соответственно, в темпах и успешности результатов региональной модернизации [30, с. 105].

Региональные различия человеческого потенциала тоже хорошо фиксируются в ответах на вопрос: «Каково образование Ваших родителей?» (табл. 1).

В среднем по двум городам ЮФО существенных отличий от общероссийских результатов нет, но среди отцов студентов Астрахани на 4% больше тех, кто имеет начальное профессиональное образование, по сравнению с отцами студентов Волгограда, на 10% больше отцов со средним техническим образованием, но на 20% меньше – с высшим образованием. По количеству матерей с высшим образованием разница меньше, но также существенна и составляет около 7% не в пользу астраханцев. Матерей с высшим образованием в среднем по двум городам ЮФО практически на 10% больше, чем

среди отцов. Причем среди волгоградцев этой разницы нет, а вот среди астраханцев она составляет 14%. Кроме того, в целом по массиву опрошенных около 2% вообще не знают, каково образование матери, и 7% опрошенных – каково образование отца. Заметим, что по Астрахани эта цифра в два раза больше, чем по Волгограду.

Можно заключить, что результаты исследования фиксируют некоторое отставание системы образования в федеральном округе от общероссийского уровня. Результаты опроса студентов подтверждаются статистическими данными.

Что касается **социоэкономической компоненты модернизации**, то индекс качества экономики свидетельствует о способности региона к реализации в условиях вызовов современности одной из функций социокультурной общности – жизнеобеспечивающей (о функциях региона как социокультурной общности см.: [22]), реализующейся в трудовой деятельности населения. Если вслед за В.Я. Ельмеевым понимать труд как источник прогрессивного развития на основе закона потребительной стоимости, выражающей превышение результатов труда над его затратами, где в качестве потребительной стоимости понимается истинное богатство, приобретение благ, необходимых

Таблица 1. Ответы студентов на вопрос: «Каково образование Ваших родителей?», % от числа опрошенных

Варианты ответов	Отец			Мать		
	Россия	Астрахань	Волгоград	Россия	Астрахань	Волгоград
Начальное, неполное среднее	0,97	0,34	0,89	0,64	1,03	0,22
Среднее общее (средняя школа)	6,68	7,48	5,56	5,68	14,79	5,71
Начальное профессиональное, среднее специальное (ПТУ, СПТУ)	11,55	12,24	8,67	9,26	8,9	7,47
Среднее техническое (техникум)	28,43	32,31	22,44	26,5	26,37	23,96
Неполное высшее (3 курса вуза)	4,18	4,42	4,22	5,5	7,88	6,59
Высшее	38,58	31,63	51,11	48,38	45,55	52,31
Научное – аспирантура, диссертация	2,17	1,36	1,56	2,11	1,71	1,76
Не знаю	7,45	10,2	5,56	1,93	3,77	1,98

для жизни и полезных для социума [9, с. 36], жизнеобеспечивающая функция региона реализуется при социальной полезности результатов труда, их справедливом распределении среди населения региона.

Насколько справедливым считают распределение результатов трудовой деятельности студенты? Или, другими словами, насколько, по их мнению, социально полезны результаты труда? Ответы на вопрос, каковы причины личного обогащения в современной России, обобщены в значении индекса, максимум которого составляет 4 единицы, минимум — 0. Так, вариант «трудолюбие» как причина личного обогащения набрал в целом по массиву 2,85 балла, в среднем по двум городам ЮФО — несколько меньше и составляет 2,74 балла. Разница между ответами астраханцев и волгоградцев в данном случае не существенна (по Астрахани — 2,7 балла, по Волгограду — 2,78 балла). Существенно другое: трудолюбие как причина обогащения не является важнейшей, и по ЮФО она менее важна, чем по России в целом. Это свидетельствует о масштабах отчуждения от результатов трудовой деятельности, которые в большей степени проявлены в ЮФО, чем по России в целом.

Масштабы этого же процесса — отчуждения результатов труда, при котором труд превращается в бесполезную работу, позволяющую не гармонично существовать и всесторонне развиваться, а, скорее, выживать, — можно выявить и на основе результатов ответов студентов на вопрос: «Нас интересует Ваше мнение о том, насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров». Ответы обобщены в итоговый индекс, минимальное значение которого равно «-1», максимальное — «+1». Отрицательное значение индекса означает,

что в ответах студентов преобладают варианты «получает значительно меньше, чем заслуживает» и «получает меньше, чем заслуживает»; положительное — «получает значительно больше, чем заслуживает» и «получает больше, чем заслуживает». Как можно предположить, в идеале оценка труда представителей различных профессий в значении итогового обобщенного индекса должна стремиться к нулю, то есть тогда, когда подавляющее большинство опрошенных выбирают вариант «получает столько, сколько заслуживает». При таких значениях можно сказать, что труд оценивается справедливо.

Как мы видим, в оценках студентов ни одна из представленных профессий не вознаграждается по справедливости (табл. 2). Преобладающим является мнение, что труд оплачивается меньше, чем заслуживает. В этом ряду и хозяин небольшого продуктового магазина, и профессор университета, и рядовой инженер на большом заводе, и хирург высокой квалификации в городской больнице, и дворник, убирающий улицы города, и рабочий на заводе, и врач в поликлинике. И на самом «дне» социальной несправедливости оказывается труд пенсионера, имеющего сорокалетний стаж. Только оценка труда хозяина небольшого продуктового магазина приближается к «идеальной» нулевой отметке справедливости.

Судя по массиву в целом и по ЮФО, министр федерального правительства, рядовой чиновник в местной администрации и руководитель большого завода получают больше, чем заслуживают. При выборе между этими профессиями значения обобщенного индекса отличаются в разы: министр федерального правительства получает в два раза больше, чем заслуживает, чем рядовой чиновник в местной администрации, а рядовой чиновник — соответствен-

Таблица 2. Ответы студентов на вопрос: «Нас интересует Ваше мнение о том, насколько справедливо в нашем государстве оплачивается труд представителей разных профессий и пенсионеров», индексы

Варианты ответов	Единицы административно-территориального деления			
	Россия	ЮФО	Астрахань	Волгоград
Министр федерального правительства	0,626	0,640	0,567	0,714
Рядовой чиновник в местной администрации	0,431	0,475	0,441	0,510
Руководитель большого завода	0,209	0,202	0,191	0,191
Хозяин небольшого продуктового магазина	-0,036	-0,055	-0,068	-0,043
Профессор университета	-0,322	-0,367	-0,374	-0,360
Рядовой инженер на большом заводе	-0,364	-0,384	-0,322	-0,447
Хирург высокой квалификации в городской больнице	-0,398	-0,429	-0,405	-0,453
Дворник, убирающий улицы города	-0,497	-0,481	-0,481	-0,498
Рабочий на заводе	-0,546	-0,549	-0,525	-0,573
Врач в поликлинике	-0,578	-0,642	-0,601	-0,684
Пенсионер, имеющий сорокалетний рабочий стаж	-0,732	-0,730	-0,719	-0,741

но в два раза больше, чем руководитель большого завода. Ответы студентов очень хорошо иллюстрируют их представления о том, какая категория населения больше всего оказывается в выигрыше (причем в несправедливом выигрыше) в последние десятилетия реформирования в современной России.

В ответах студентов ЮФО вырисовывается достаточно четкий макрорегиональный профиль представлений о социальной несправедливости – меньше заслуженного, чем в среднем по стране, в макрорегионе, получают инженер, хозяин магазина, профессор, хирург, врач и дворник, убирающий улицы города. При этом по Астрахани в эту категорию попали хозяин магазина, профессор, хирург и врач; по Волгограду – инженер, хирург, рабочий, врач, хозяин магазина, профессор и пенсионер. Таким образом, волгоградцы более критичны, чем астраханцы.

Больше заслуженного, чем в среднем по стране, по ЮФО, по мнению студентов, получают министр федерального правительства и чиновник местной администрации. В оценке их деятельности, а также руководителя большого завода наиболее

критичны волгоградцы. При этом астраханцы в большей степени считают справедливой оплату руководителя большого завода, чем среднестатистический студент-россиянин и волгоградец, а по мнению и тех, и других, министр федерального правительства работает чуть лучше, чем чиновник местной администрации.

Судя по оценке справедливости оплаты труда семи из одиннадцати представленных социально-профессиональных групп, студенты ЮФО настроены более критично, чем по России в целом. Это свидетельствует об отставании социально-экономической компоненты модернизации в макрорегионе, вызванном во многом искусственным (институциональным) перекачиванием прибавочной стоимости, произведенной на его территории, в другие регионы страны.

Отставание качества экономики приводит к отставанию **социокультурной компоненты модернизации**, так как большая часть добавленной стоимости, полученной от созданных на территории округа продуктов и услуг, не идет на развитие его социальной инфраструктуры и благосостояния населения.

Такая несправедливость в распределении социальных благ находит отражение и в ответах студентов. При ответе на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете, когда размышляете о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве?» – видно, что количество отрицательных эмоций более чем в 2,6 раза превышает количество положительных (табл. 3). При этом по сумме ответов студенты ЮФО проявили в принципе больше эмоций, чем в целом по массиву (176,7% против 168,6% от числа опрошенных), и отрицательных эмоций больше, чем положительных, на 10,8%. И это несмотря на то, что в целом по массиву социально значимая часть опрошенных (12,8% от числа опрошенных) пропустила ответ на этот вопрос. И опять же по ЮФО эта категория на 3,2% меньше. Студенты ЮФО в большей степени, чем в целом по массиву, испытывают раздражение (и больше всего астраханцы), горечь (несколько больше волгоградцы), пессимизм (больше волгоградцы).

Вместе с тем человеческий потенциал астраханцев, несколько сниженный, как мы видели, за счет образования родителей, также является сниженным по сравнению с волгоградцами по уровню доходов родительской семьи. При анализе ответов студентов на вопрос: «К какой категории по уровню доходов относится Ваша родительская семья?» – видно, что среди астраханцев больше на 2% бедных (3,4% против 1,1%), на 7% – «необеспеченных» (18,4% против 11,1%), но меньше на 5% обеспеченных (45,24% против 50,11%) и тоже на 5% – зажиточных (24,5% против 29,9%). Соответственно, лишний раз подтверждается, что чем выше уровень образования, тем выше уровень доходов.

Весьма сложным для оценки с помощью социологического инструментария является анализ состояния **институционально-регулятивной компоненты модернизации**, так как очень мало статистических показателей деятельности социальных институтов власти, а результаты социологических

Таблица 3. Ответы студентов на вопрос: «Какие чувства Вы испытываете, когда размышляете о том, как распределяются доходы бюджета в нашем государстве?», % от числа опрошенных

Варианты ответов	Единицы административно-территориального деления			
	Астрахань	Волгоград	ЮФО	Россия
Раздражение	36,47	32,63	34,55	29,38
Отчаяние	27,82	29,81	28,81	27,13
Горечь	23,31	25,59	24,45	22,41
Надежда	22,56	22,77	22,66	21,72
Пессимизм	19,17	20,42	19,79	17,70
Злость	14,29	15,02	14,65	14,81
Безразличие	13,16	10,33	11,74	13,19
Спокойствие	7,89	8,92	8,40	9,80
Оптимизм	5,26	7,28	6,27	5,64
Удовлетворение	2,26	1,41	1,83	3,30
Другие чувства	2,26	1,41	1,83	1,88
Радость	1,88	1,41	1,64	1,65
Отрицательные эмоции	121,06	123,47	122,25	111,43
Положительные эмоции	39,85	41,79	40,82	42,11
Сумма	176,32	177,00	176,66	168,59
Пропущенные	11,33	7,79	9,56	12,76

исследований достаточно трудно однозначно интерпретировать. При ответе студентов на вопрос: «Приходилось ли Вам за последние двенадцать месяцев сталкиваться с проявлением несправедливости по отношению к Вам лично? Как часто это происходило в следующих ситуациях?» — вариант ответа «в общении с местными чиновниками» набрал значение итогового обобщенного индекса по массиву в целом 1,1 балла, тогда как по ЮФО — 1,2 балла. Таким образом, в профиле «личной несправедливости» по ЮФО чиновники являются большим фактором напряженности, чем в среднем по России, и в Астрахани несколько больше, чем по Волгограду (1,23 против 1,19 балла). Мы помним также оценку труда федерального министра и чиновника местной администрации как самую завышенную и несправедливую.

Целью модернизации выступает безопасность страны. Одним из индикаторов эффективности деятельности социальных институтов власти является установление порядка и соблюдение законов для обеспечения безопасности. Но, как показывают результаты опроса среди студентов, в целом по массиву нарушение закона, преступления считаются более значимой причиной приобретения богатства, чем трезвый, разумный образ жизни, наличие талантов и способностей, крепкое здоровье и сила, политика правительства, поощряющая предпринимательство, благоприятствующие законы, везение и развитие экономики (2,33 балла против 2,31; 2,30; 2,10; 2,26; 2,14 и 2,12 балла соответственно). По ЮФО в этот перечень попадает и правильное воспитание в семье, поскольку этот фактор как причина обогащения оценивается несколько ниже, чем нарушения закона, преступления (2,4 балла против 2,3 балла). Причем нарушение закона как причина обогащения более значимо (кри-

тически реалистично?) оценивается волгоградцами (2,5 балла против 2,3 балла). А по ЮФО к нарушениям закона, преступлениям добавляется еще и включенность в криминальные структуры, которая как причина богатства оценивается студентами гораздо выше, чем в целом по России (2,4 балла против 2,2 балла), и волгоградцами выше, чем астраханцами (2,5 балла против 2,3 балла).

Также студенты ЮФО в гораздо меньшей степени, чем в целом по массиву, согласились с утверждением: «В справедливом обществе люди всегда соблюдают законы, даже если считают их неправильными» (0,238 балла против 0,172 балла при максимальном значении индекса один балл), по Волгограду — меньше, чем по Астрахани (0,155 балла против 0,189 балла), а также с утверждением: «В справедливом обществе все острые конфликты и противоречия находят решения в суде» (0,313 балла по массиву в целом против 0,304 балла по ЮФО, причем по Волгограду — гораздо больше, чем по Астрахани (0,36 балла против 0,249 балла). Можно предположить, что астраханец более склонен решать конфликты не в официальной институциональной среде, а в сфере межличностных (первичных) социальных отношений.

Молодым людям было предложено оценить, насколько положительные или отрицательные чувства у них вызывают некоторые слова и выражения в контексте восприятия их как принципов политических программ. Были вычислены индексы отношения к этим словам и выражениям: из количества положительных ответов вычиталось количество отрицательных и делилось на 100. Таким образом, если все ответы положительные, значение индекса равно единице. Среди этих слов нас больше всего интересует слово «модерниза-

ция». Это слово вызывает больше положительных чувств, так как значение индекса по России и ЮФО составляет 0,64 и 0,63 соответственно, хотя и далеко до единицы. Таким образом, при определенных условиях проект под названием «Модернизация» мог бы стать программным образом будущего современной России. Но, как отмечает В.А. Зимин, «сегодня... "образ будущего" России в массовом сознании размыт. Он раздроблен на конкурирующие между собой (и в равной степени слабо подкрепленные научной и идеологической аргументацией) проекты, по большей части воспроизводящие либо прошлый отечественный, либо прошлый зарубежный опыт решения модернизационных задач» [11, с. 18–19]. По мнению Е.И. Пашиной, «государственные рекомендации и призывы к модернизации не обеспечены соответствующими материальными подкреплениями, а работодатели не имеют достаточных мотивов и ресурсов для внедрения наукоемких передовых технологий, развития здоровьесберегающих и экологически безопасных производств» [32, с. 77]. Ряд исследователей подчеркивает, что в реальности модернизационные проекты по жизненно важным для населения показателям приобретают во многих регионах характер квазимодернизации [21, с. 31] и даже демодернизации [15, с. 36].

Как известно, сами по себе цифры молчат, но позволяют по-иному взглянуть на мир, увидеть его глазами других, в нашем случае глазами современных студентов. Их картина мира написана отнюдь не яркими красками: судя по результатам иссле-

дования в целом по массиву опрошенных уехать из страны хочет каждый четвертый студент. В Южном федеральном округе этот показатель несколько больше за счет ответов астраханцев, среди которых заявляет о своем намерении жить на постоянной основе в другой стране уже каждый третий. Если оценивать миграционные запросы студентов в контексте модернизации, то можно предположить, что уехать из страны стремятся самые активные, то есть авангард модернизации. И одна из главных причин кроется в том, что современная молодежь воспринимает как несправедливое, нелегитимно существующее в России распределение вознаграждений за труд, что является субъективным фактором углубления отчуждения труда, объективными причинами которого служат социально-экономические проблемы: спад производства, снижение уровня благосостояния, низкая цена рабочей силы. По ЮФО эти процессы выражены острее и усугубляются недостатками региональной системы образования, что снижает шансы на выживание и адаптацию в конкретном социальном пространстве региона, не говоря уже об участии в модернизационных проектах.

Таким образом, существуют два феномена, социальная ценность которых во многом заключается в их направленности на перспективу, в будущее, — молодежь и модернизация. Но векторы этой направленности у современной российской молодежи и модернизационных проектов страны — разные, что требует корректировки молодежной политики.

Литература

1. Багдасарян, В.Э. К вопросу о формировании теории демографической вариативности как новой объяснительной модели демографических процессов / В.Э. Багдасарян. — М.: Научный эксперт, 2006. — 40 с.
2. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек // THESIS. — 1994. — № 5. — С. 161-168.

- Бурдьё, П. Социология политики [Электронный ресурс] / П. Бурдьё. – М.: Logos, 1993. – Режим доступа : <http://bourdieu.name/content/sociologija-politiki> (дата обращения 5.05. 2016).
4. Герцен, А.И. Концы и начала / А.И. Герцен // Интеллигенция – власть – народ. Русские источники современной социальной философии (антология). – М., 1992. – С. 26-45.
 5. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107-134.
 6. Гуляихин, В.Н. Вхождение российской молодежи в общественно-правовую жизнь: роль правовой социализации [Электронный ресурс] / В.Н. Гуляихин // *ВВ: Вопросы права и политики*. – 2013. – № 11. – С. 88–104. – Режим доступа : http://e-notabene.ru/lr/article_9698.htmlhttp://e-notabene.ru/lr/article_9698.html (дата обращения: 30.09.2016).
 7. Дулина, Н.В. Между заторможенным ростом и развитием модернизации регионов. Южный федеральный округ / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова // *Социологические исследования*. – 2015. – № 3. – С. 22-29.
 8. Дулина, Н.В. Социокультурная модернизация регионов южного федерального округа: преимущества, проблемы, вызовы [Текст] / Н.В. Дулина, Е.В. Каргаполова // *Дыльновские чтения «Российская идентичность: состояние и перспективы»: материалы научно-практической конференции*. – Саратов, 2015. – С. 262-267.
 9. Ельмеев, В.Я. Социальная экономия труда: общие основы политической экономии / В.Я. Ельмеев. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2007. – 576 с.
 10. Ельмеев, В.Я. «Я был и остаюсь сторонником материализма в социологии»: интервью / В.Я. Ельмеев // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2007. – Т. 10. – № 2 (39). – С. 5-19.
 11. Зимин, В.А. Формирование политико-культурного контекста постсоветской модернизации: автореф. дис. ... д-ра политич. наук по специальности 23.00.01 – теория и философия политики, история и методология политической науки / В.А. Зимин. – Саратов, 2013. – 50 с.
 12. Зубаревич, Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В. Зубаревич. – М.: Независимый ин-т социальной политики, 2010. – 160 с.
 13. Ивченков, С.Г. Деятельность П.А. Столыпина в контексте российской модернизации [Текст] / С.Г. Ивченков // *Дыльновские чтения «Повседневная жизнь россиян : социологический дизайн»: материалы научно-практической конференции*. – Саратов: Наука, 2014. – С. 41-45.
 14. Иконникова, С.И. Молодежь о себе, о своих сверстниках (социологическое исследование) / С.И. Иконникова, В.Т. Лисовский. – Л.: Лениздат, 1969. – 136 с.
 15. Имгрунт, И.И. Политическая элита как актор модернизации российского общества: субъектные характеристики и эффективность социальных практик : автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и процессы / И.И. Имгрунт. – Ростов-на-Дону, 2013. – 56 с.
 16. Инглхарт, Р. Модернизация и постмодернизация [Электронный ресурс] / Р. Инглхарт. – Режим доступа : http://iir-mp.narod.u/books/inozemcev/page_1261.html (дата обращения: 2.06. 2011).
 17. Каргаполова, Е.В. Механизмы модернизации и социальная безопасность / Е.В. Каргаполова, А.Ю. Арясова // *Философские науки*. – 2012. – № 8. – С. 63-75.
 18. Когай, Е.А. Два тренда первичной модернизации регионов. Центральное Черноземье / Е.А. Когай, А.А. Когай // *Социологические исследования*. – 2015. – № 3. – С. 37-44.
 19. Красильщиков, В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века / В.А. Красильщиков // *Вопросы философии*. – 1993. – № 7. – С. 40-56.
 20. Кутырева, И.В. Коммуникативные практики в современном контексте [Текст] / И. В. Кутырева // *Дыльновские чтения «Повседневная жизнь россиян : социологический дизайн»: материалы научно-практической конференции*. – Саратов: Наука, 2014. – С. 467-470.
 21. Лапин, Н.И. Гуманистический выбор населения России и центры внимания российской социологии / Н.И. Лапин // *Социологические исследования*. – 2016. – № 5. – С. 23-34.
 22. Лапин, Н.И. Регион: его статус и функции в российском обществе: теоретико-методологические основы исследования / Н.И. Лапин // *Социологические исследования*. – 2006. – № 8. – С. 25-34.
 23. Лапин, Н.И. Несбалансированность процессов модернизации регионов. Центральный федеральный округ. Центральный район ЦФО / Н.И. Лапин, Н.А. Касавина // *Социологические исследования*. – 2015. – № 3. – С. 29-36.

24. Ласточкина, М.А. Устойчивая разновекторность модернизации Северо-Западного федерального округа / М.А. Ласточкина // Социологические исследования. – 2015. – № 2 (370). – С. 49-55.
25. Лиходей, О.А. Жизненные ценности «поколения непохожих» // Научные труды кафедры культурологии и глобалистики (к 20-летию кафедры) / О. А. Лиходей. – СПб. : Бал. гос. техн. ун-т, 2009. – С. 102-111.
26. Мартинелли, А. Глобальная модернизация: переосмысляя проект современности / А. Мартинелли. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2006. – 260 с.
27. Пределы роста: доклад по проекту Римского клуба / Д.Х. Медоуз, Д.Л. Медоуз и др. – М.: Изд-во МГУ, 1991. – 312 с.
28. Морозова, Т.И. Регулирование процессов самоорганизации молодежи в социокультурном пространстве региона : дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.08 – социология управления [Электронный ресурс] / Т. И. Морозова. – Белгород, 2013. – 459 с. – Режим доступа : <http://www.dslib.net/sociologia-upravlenia/regulirovanie-processov-samoorganizacii-molodezhi-v-sociokulturnom-prostranstve.html> (дата обращения: 02.08.2016).
29. Нечушкин, А.Р. Групповой эгоизм в российском обществе: социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук по специальности 22.00.04 – социальные структуры, социальные институты и процессы / А.Р. Нечушкин. – Ростов-на-Дону, 2007. – 46 с.
30. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / гл. ред. Хэ Чуаньци; пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина. – М.: Весь Мир, 2011. – 256 с.
31. Паин, Э.А. Многокультурная модернизация: эволюция теоретических взглядов / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. – 2009. – № 6. – С. 37-54.
32. Пашина, Е.И. Региональные ресурсы управления профессиональными и экологическими рисками / Е.И. Пашина // Дьяльновские чтения «Повседневная жизнь россиян : социологический дизайн»: материалы научно-практической конференции. – Саратов: Наука, 2014. – С. 72-78.
33. Пшишок, А.А. Норма и девиация в молодежной субкультуре: проблемы социализации в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук по специальности 22.00.06 – социология культуры [Электронный ресурс] / А.А. Пшишок. – Майкоп, 2012. – 25 с. – Режим доступа : <http://www.dslib.net/sociologia-kultury/norma-i-deviacija-v-molodezhnoj-subkulture-problemy-socializacii-v-sovremennoj.html> (дата обращения: 1.08.2016).
34. Ромашкина, Г.Ф. Процессы модернизации в регионах Уральского федерального округа / Г.Ф. Ромашкина // Социологические исследования. – 2015. – № 1. – С. 19-26.
35. Стризое, А.Л. Адаптация человека к процессам модернизации / А.Л. Стризое // Вестник Волгоградского государственного университета. – Сер. 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 3. – С. 60-67.
36. Тарасов, В.Т. Неравномерность модернизации регионов Приволжского федерального округа / В.Т. Тарасов, И.И. Бойко, В.Г. Харитонова // Социологические исследования. – 2015. – №1. – С. 11-19.
37. Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез. – М.: Медиа-Пресс, 2013. – 664 с.
38. Хачатурян, В.М. Феномен архаизации в культурной динамике : автореф. дис. ... д-ра культурологии по специальности 24.00.01 – теория и история культуры / В.М. Хачатурян. – М., 2011. – 30 с.
39. Штомпка, П. Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка; пер. с пол. С.М. Червонной. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
40. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ. / под ред. В.А. Ядова. – М.: Наука, 1996. – 416 с.
41. Эйзенштадт, Ш. Новая парадигма модернизации / Ш. Эйзенштадт // Сравнительное изучение цивилизаций: хрестоматия. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 470-479.
42. Ястребова, А.А. Социальные проблемы современной семьи [Текст] / А.А. Ястребова // Дьяльновские чтения «Повседневная жизнь россиян : социологический дизайн»: материалы научно-практической конференции. – Саратов: Наука, 2014. – С. 461-465.

Сведения об авторах

Надежда Васильевна Дулина – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой, Волгоградский государственный технический университет (Российская Федерация, 400005, г. Волгоград, пр. Ленина, д. 28; e-mail: nv-dulina@yandex.ru)

Екатерина Владимировна Каргаполова – доктор социологических наук, профессор, Астраханский государственный архитектурно-строительный университет (Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 18; e-mail: k474671@list.ru)

Александр Леонидович Стризов – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой, Волгоградский государственный технический университет (Российская Федерация, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100; e-mail: strizoe@yandex.ru)

Dulina N.V., Kargapolova E.V., Strizoe A.L.

Young People in Modernization Processes: Assessment of the State of Affairs (Case Study of Southern Federal District Regions)

Abstract. The article considers the issues concerning the inclusion of modern Russian youth in the processes of modernization; the study is based on the analysis of the results of a sociological research carried out using questionnaires. Modernization in the broadest theoretical terms is understood as a comprehensive and manageable process of renewal of the social system, its approximation to a qualitatively new state on the basis of deep civilizational changes with the aim of improving living conditions. In this case the specific and long-established features of the value system of specific regions are investigated as the most important resource of modernization projects. It is shown that there exists a system lag in the pace and quality of modernization processes in the regions of the Southern Federal District of Russia, as recorded in the statistics and responses of the representatives of the young generation of the macro region. The reason for this situation lies in the scale of alienation from the results of labor activity that are more clearly seen in the Southern Federal District than in Russia as a whole, and this is largely caused by the artificial (institutional) pumping of surplus value produced in its territory to other regions of the country. A large part of the added value obtained from the products and services produced in the district is not allocated to the development of its social infrastructure (in particular, education) and people's welfare. Under certain conditions, the project called "Modernization" could become a program image of the future of modern Russia; this idea is registered in the answers of modern students. But in reality, in many regions, modernization projects on the indicators vital for the population acquire a character of quasi-modernization or even de-modernization. This is reflected in the high migration request of students, which in the Southern Federal District is higher than that in the amount of respondents in Russia as a whole. Thus, there exist two phenomena, the social value of which consists largely in their focus on the future – youth and modernization. But the vectors of this orientation among modern Russian youth and modernization projects of the country are different, which requires adjustment of youth policy.

Key words: modernization, youth, students, social processes, region, federal district, Southern Federal District, values.

References

1. Bagdasaryan V.E. *K voprosu o formirovanii teorii demograficheskoi variativnosti kak novoi ob'yasnitel'noi modeli demograficheskikh protsessov* [Revisiting the formation of the theory of demographic variability as a new explanatory model of demographic processes]. Moscow: Nauchnyi ekspert, 2006. 40 p. (In Russian).

2. Beck U. Ot industrial'nogo obshchestva k obshchestvu riska [From industrial society to risk society]. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 161–168. (In Russian).
3. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [The political sociology]. Moscow: Logos, 1993. Available at: <http://bourdieu.name/content/sociologija-politiki> (accessed 5.05.2016). (In Russian).
4. Herzen A.I. Kontsy i nachala [Ends and beginnings]. *Intelligentsiya – vlast' – narod. Russkie istochniki sovremennoi sotsial'noi filosofii (antologiya)* [Intelligentsia – Power – People. Russian Sources of Modern Social Philosophy: anthology]. Moscow, 1992. Pp. 26–45. (In Russian).
5. Giddens A. Sud'ba, risk i bezopasnost' [Fate, risk and security]. *THESIS*, 1994, no. 5, pp. 107–134. (In Russian).
6. Gulyaikhin V.N. Vkhozhdenie rossiiskoi molodezhi v obshchestvenno-pravovuyu zhizn': rol' pravovoi sotsializatsii [The entry of Russian youth in social and legal life: the role of legal socialization]. *NB: Voprosy prava i politiki* [NB: Matters of law and policy], 2013, no. 11, pp. 88–104. Available at: http://e-notabene.ru/lr/article_9698.html (accessed: 30.09.2016). (In Russian).
7. Dulina N.V., Kargapolova E.V. Mezhdz zatormozhennym rostom i razvitiem modernizatsii regionov. Yuzhnyi federal'nyi okrug [Between the inhibited growth and development of regions. Southern Federal District]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 3, pp. 22–29. (In Russian).
8. Dulina N.V., Kargapolova E.V. Sotsiokul'turnaya modernizatsiya regionov yuzhnogo federal'nogo okruga: preimushchestva, problemy, vyzovy [Socio-cultural modernization of the Southern Federal District: advantages, problems and challenges]. *Dyl'novskie chteniya "Rossiiskaya identichnost': sostoyanie i perspektivy": materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Dyl'nov readings "Russian identity: status and prospects": proceedings of the scientific-practical conference]. Saratov, 2015. Pp. 262–267. (In Russian).
9. El'meev V.Ya. *Sotsial'naya ekonomiya truda: obshchie osnovy politicheskoi ekonomii* [Social saving of labor: general principles of political economy]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta, 2007. 576 p. (In Russian).
10. El'meev V.Ya. "Ya byl i ostayus' storonnikom materializma v sotsiologii": interv'y u ["I was and remain a supporter of materialism in sociology": an interview]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of sociology and social anthropology], 2007, vol. 10, no. 2 (39), pp. 5–19. (In Russian).
11. Zimin V.A. *Formirovanie politiko-kul'turnogo konteksta postsovetskoi modernizatsii: avtoref. dis. ... d-ra politich. nauk po spetsial'nosti 23.00.01 – teoriya i filosofiya politiki, istoriya i metodologiya politicheskoi nauki* [The formation of political and cultural context of post-Soviet modernization: Doctor of Political Sciences dissertation abstract]. Saratov, 2013. 50 p. (In Russian).
12. Zubarevich N.V. *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: inequality, crisis, modernization]. Moscow: Nezavisimyi in-t sotsial'noi politiki, 2010. 160 p. (In Russian).
13. Ivchenkov S.G. Deyatel'nost' P.A. Stolypina v kontekste rossiiskoi modernizatsii [The work of P.A. Stolypin in the context of Russian modernization]. *Dyl'novskie chteniya "Povsednevnyaya zhizn' rossiyan: sotsiologicheskii dizain": materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Dyl'nov readings "Everyday life of Russians: sociological design": proceedings of a scientific-practical conference]. Saratov: Nauka, 2014. Pp. 41–45. (In Russian).
14. Ikonnikova S.I., Lisovskii V.T. *Molodezh' o sebe, o svoikh sverstnikakh (sotsiologicheskoe issledovanie)* [Young people about themselves, about their peers (a sociological study)]. Leningrad: Lenizdat, 1969. 136 p. (In Russian).
15. Imgrunt I.I. *Politicheskaya elita kak aktor modernizatsii rossiiskogo obshchestva: sub'ektnye kharakteristiki i effektivnost' sotsial'nykh praktik: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk po spetsial'nosti 22.00.04 – sotsial'naya struktura, sotsial'nye instituty i protsessy* [Political elite as an actor in the modernization of Russian society: subjective characteristics and efficiency of social practices: Doctor of Sociology dissertation abstract]. Rostov-on-Don, 2013. 56 p. (In Russian).
16. Inglehart R. *Modernizatsiya i potsmodernizatsiya* [Modernization and postmodernization]. Available at: http://iir-mp.narod.u/books/inozemcev/page_1261.html (accessed: 2.06. 2011). (In Russian).
17. Kargapolova E.V., Aryasova A.Yu. Mekhanizmy modernizatsii i sotsial'naya bezopasnost' [Mechanisms of modernization and social security]. *Filosofskie nauki* [Issues of philosophy], 2012, no. 8, pp. 63–75. (In Russian).
18. Kogai E.A., Kogai A.A. Dva trenda pervichnoi modernizatsii regionov. Tsentral'noe Chernozem'e [Two trends in the primary modernization of regions. The Central Chernozem region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 3, pp. 37–44. (In Russian).
19. Krasil'shchikov V.A. Modernizatsiya i Rossiya na poroge XXI veka [Modernization and Russia on the threshold of the 21st century]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy], 1993, no. 7, pp. 40–56. (In Russian).

- Kutyreva I. V. Kommunikativnye praktiki v sovremennom kontekste [Communicative practices in contemporary context]. *Dyl'novskie chteniya "Povsednevnyaya zhizn' rossiyan: sotsiologicheskii dizain": materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Dyl'nov readings "Everyday life of Russians: sociological design": proceedings of a scientific-practical conference]. Saratov: Nauka, 2014. Pp. 467–470. (In Russian).
21. Lapin N.I. Gumanisticheskii vybor naseleniya Rossii i tsentry vnimaniya rossiiskoi sotsiologii [Humane choice of Russia's population and the centers of attention of Russian sociology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2016, no. 5, pp. 23–34. (In Russian).
 22. Lapin N.I. Region: ego status i funktsii v rossiiskom obshchestve: teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya [Region: its status and functions in Russian society: theoretical and methodological foundations of the research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2006, no. 8, pp. 25–34. (In Russian).
 23. Lapin N.I., Kasavina N.A. Nesbalansirovannost' protsessov modernizatsii regionov. Tsentral'nyi federal'nyi okrug. Tsentral'nyi raion TsFO [Imbalance between modernization processes in the regions. The Central Federal District. Central region of the Central Federal District]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 3, pp. 29–36. (In Russian).
 24. Lastochkina M.A. Ustoichivaya raznovektornost' modernizatsii Severo-Zapadnogo federal'nogo okruga [Sustainable multi-vector nature of modernization in the Northwestern Federal district]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 2 (370), pp. 49–55. (In Russian).
 25. Likhodei O.A. Zhiznennye tsennosti "pokoleniya nepokhozhikh" [Life values of the "generation of the different"]. In: *Nauchnye trudy kafedry kul'turologii i globalistiki (k 20-letiyu kafedry)* [Scientific papers of the Department of Cultural and Global Studies (commemorating the 20th anniversary of the Department)]. Saint Petersburg: Bal. gos. tekhn. un-t, 2009. Pp. 102–111. (In Russian).
 26. Martinelli A. *Global'naya modernizatsiya: pereosmyslyaya proekt sovremennosti* [Global Modernization: Rethinking the Project of Modernity]. Saint Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2006. 260 p. (In Russian).
 27. Meadows D.H., Meadows D.L. et al. *Predely rosta: doklad po proektu Rimskogo kluba* [The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind]. Moscow: Izd-vo MGU, 1991. 312 p. (In Russian).
 28. Morozova T.I. *Regulirovanie protsessov samoorganizatsii molodezhi v sotsiokul'turnom prostranstve regiona: dis. ... d-ra sotsiol. nauk po spetsial'nosti 22.00.08 – sotsiologiya upravleniya* [Regulation of processes of self-organization of youth in the socio-cultural environment of the region: Doctor of Sociology dissertation]. Belgorod, 2013. 459 p. Available at: <http://www.dslib.net/sociologia-upravleniya/regulirovanie-processov-samoorganizatsii-molodezhi-v-sociokulturnom-prostranstve.html> (accessed: 02.08.2016). (In Russian).
 29. Nechushkin A.R. *Grupповой egoizm v rossiiskom obshchestve: sotsiologicheskii analiz: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk po spetsial'nosti 22.00.04 – sotsial'nye struktury, sotsial'nye instituty i protsessy* [Group selfishness in the Russian society: sociological analysis: Doctor of Sociology dissertation]. Rostov-on-Don, 2007. 46 p. (In Russian).
 30. He Chuanqi (Editor-in-Chief). *Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010)* [China Modernization Report Outlook]. Translated from English, under the general editorship of N.I. Lapin. Moscow: Ves' Mir, 2011. 256 p. (In Russian).
 31. Pain E.A. *Mnogokul'turnaya modernizatsiya: evolyutsiya teoreticheskikh vzglyadov* [Multi-Cultural Modernization: Evolution of Theoretical Approaches]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2009, no. 6, pp. 37–54. (In Russian).
 32. Pashinina E.I. Regional'nye resursy upravleniya professional'nymi i ekologicheskimi riskami [Regional resources in the management of professional and environmental risks]. *Dyl'novskie chteniya "Povsednevnyaya zhizn' rossiyan: sotsiologicheskii dizain": materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Dyl'nov readings "Everyday life of Russians: sociological design": proceedings of a scientific-practical conference]. Saratov: Nauka, 2014. Pp. 72–78. (In Russian).
 33. Pshishok A.A. *Norma i devyatsiya v molodezhnoi subkul'ture: problemy sotsializatsii v sovremennoi Rossii: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk po spetsial'nosti 22.00.06 – sotsiologiya kul'tury* [Norm and deviation in youth subculture: socialization issues in modern Russia: Ph.D. in Sociology dissertation abstract]. Maikop, 2012. 25 p. Available at: <http://www.dslib.net/sociologia-kul'tury/norma-i-devyatsiya-v-molodezhnoj-subkul'ture-problemy-socializatsii-v-sovremennoj.html> (accessed: 1.08.2016). (In Russian).
 34. Romashkina G.F. Protsessy modernizatsii v regionakh Ural'skogo federal'nogo okruga [Modernization processes in the regions of the Ural Federal district]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 1, pp. 19–26. (In Russian).

35. Strizoe A.L. Adaptatsiya cheloveka k protsessam modernizatsii [Adaptation of man to the processes of modernization]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. – Ser. 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial’nye tekhnologii* [Bulletin of Volgograd State University. Series 7. Philosophy, sociology and social technology], 2012, no. 3, pp. 60–67. (In Russian).
36. Tarasov V.T., Boiko I.I., Kharitonova V.G. Neravnomernost’ modernizatsii regionov Privolzhskogo federal’nogo okruga [Unevenness of regions of the Volga Federal District]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2015, no. 1, pp. 11–19. (In Russian).
37. *Fundamental’nye problemy prostranstvennogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: mezhdistsiplinarnyi sintez* [Fundamental problems of spatial development of the Russian Federation: an interdisciplinary synthesis]. Moscow: Media-Press, 2013. 664 p. (In Russian).
38. Khachatryan V. M. *Fenomen arkhazitsii v kul’turnoi dinamike: avtoref. dis. ... d-ra kul’turologii po spetsial’nosti 24.00.01 – teoriya i istoriya kul’tury* [Phenomenon of archaism in the cultural dynamics: Doctor of Culture Studies dissertation abstract]. Moscow, 2011. 30 p. (In Russian).
39. Sztompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. The analysis of modern society]. Translated from Polish by S.M. Chervonnaya. Moscow: Logos, 2005. 664 p. (In Russian).
40. Shtompka P. *Sotsiologiya sotsial’nykh izmenenii* [Sociology of social change]. Translated from English; ed. by V.A. Yadov. Moscow: Nauka, 1996. 416 p. (In Russian).
41. Eizenstadt S. Novaya paradigma modernizatsii [A new paradigm of modernization]. In: *Sravnitel’noe izuchenie tsivilizatsii: khrestomatiya* [Comparative Study of Civilizations: Anthology]. Moscow: Aspekt Press, 1998. pp. 470–479. (In Russian).
42. Yastrebova, A. A. Sotsial’nye problemy sovremennoi sem’i [Social problems of the modern family]. *Dyl’novskie chteniya “Povsednevnyaya zhizn’ rossiyan: sotsiologicheskii dizain”: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Dyl’nov readings “Everyday life of Russians: sociological design”: proceedings of a scientific-practical conference]. Saratov: Nauka, 2014. Pp 461–465. (In Russian).

Information about the Authors

Nadezhda Vasil’evna Dulina – Doctor of Sociology, Professor, Department Head, Volgograd State Technical University (28, Lenin Avenue, Volgograd, 400005, Russian Federation, nv-dulina@yandex.ru)

Ekaterina Vladimirovna Kargapolova – Doctor of Sociology, Professor, Astrakhan State University of Architecture Civil Engineering (18, Tatishchev Street, Astrakhan, 414056, Russian Federation, k474671@list.ru)

Aleksandr Leonidovich Strizoe – Doctor of Philosophy, Professor, Department Head, Volgograd State Technical University (100, Universitetsky Avenue, Volgograd, 400005, Russian Federation, strizoe@yandex.ru)

Статья поступила 19.09.2016.